

ПЕРФОРМАТИВНЫЙ АКТ КАК СПОСОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ПОСТМОДЕРНЕ

И. Ю. Тихонова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 июня 2019 г.

Аннотация: в статье рассматриваются перформативная идентичность как феномен постсовременного общества, особенности и условия процесса самоопределения посредством перформативных высказываний. Анализируются концепции Дж. Остина, Дж. Батлер и Э. Фишер-Лихте, в которых идея перформации представлена в лингвистическом, социальном и эстетическом контекстах соответственно.

Ключевые слова: перформативные высказывания, идентичность, индивидуализация, сетевое общество, информационное пространство, постмодерн.

Abstract: the article considers performative identity as a phenomenon of a post-modern society, features and conditions of the process of self-determination through performative statements. The concepts of J. Austin, D. Butler and E. Fisher-Lichte are analyzed in which the idea of performance is considered in the linguistic, social and aesthetic contexts, respectively.

Key words: performative statements, identity, individualization, network society, information space, postmodern.

Процесс индивидуализации, характерный для современного общества, всё в большей степени ориентирует нас на изменчивый характер человеческого Я, освободившегося от предопределенностей и централизованности на тот или иной формообразующий принцип. Индивид всё больше ориентирован на «рассеивание» собственного Я, многомерную, процессуальную идентичность. Зачастую говорят о нарративном характере идентичности посмодерного человека, иллюстрируя тем самым процесс формирования идентичности как бесконечного рассказа о самом себе, имеющего логику, направление развития, однако, существующего в гиперпространстве, где многие линии пересекаются, вызывают к жизни образы, интерпретируются. И здесь возникает вопрос: что является основополагающим способом формирования такой нарративной идентичности? На наш взгляд, одна из особенностей процесса самоидентификации в современном обществе заключается в его перформативном характере. Перформативность предполагает формирование человеческого Я в процессе совершения действия.

Впервые понятие перформативности было осмыслено Джоном Остином еще в 1955 г. В своем произведении «Как совершать действия при помощи слов» [1] он выделил в особую группу перформативные высказывания. В отличие от констатирующих высказываний, с которыми чаще

всего имеет дело классическая логика высказываний и которым мы приписываем значение истинности или ложности, перформативные не являются оценивающими или констатирующими определенное положение дел, но содержат в себе действие.

Перформативное высказывание в момент произнесения производит определенное действие, изменяя ситуацию, влияя на некоторое положение дел. Процесс говорения становится процессом совершения действия. Или, как писал Дж. Остин, перформативные высказывания «не просто описывают действия, а производят эти действия» [там же, с. 35].

В качестве примера таких перформативных актов Остин приводит различные церемонии (свадебные, военные и пр.), во время которых произносятся слова, выражающие собой некоторое действие – принятие обязанностей, подтверждение статуса и т. д. Например, во время крещения ребенок нарекается именем и тем самым изменяет свой статус; или, размещая пост в своем блоге о безнравственности поедания животных, человек позиционирует себя как сторонник вегетарианства.

Для того чтобы произнесенное высказывание было осмыслено в качестве действия, необходимо несколько условий:

1. Конвенции должны иметь место и быть признанными в рамках определенного сообщества. Если конвенции нет, то нет пространства интерпретации высказываний в качестве действительных, нет «Другого», который бы понимал смысл этих высказываний. Так, Джудит Батлер, например, говорит не о конвенциях, а о власти. В сообществе не просто должно быть установлено соглашение о понимании действий как приемлемых или неприемлемых, но и субъекту необходимо ощущать свою обязанность перед обществом действовать должным образом, иначе в его сознании возникает чувство вины.

2. Обстоятельства, необходимые для понимания того, что высказывание есть осуществление действия. Остин приводит в пример высказывание «Я развожусь» [там же]. Сказанное в европейском обществе сколько угодно раз вне зала суда, оно не имеет перформативного характера, так как не подкрепляется соответствующими обстоятельствами; напротив, в исламском обществе то же самое высказывание, трижды произнесенное в присутствии свидетелей, достаточно для того, чтобы быть признанным действием.

3. Повторяемость. Воспроизводимость необходима в том смысле, что высказывание должно обнаруживать свою действенность через ряд уточнений, похожих фраз, подтверждающих согласие автора высказывания с однажды выбранной позицией и принятыми в сообществе установками.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что перформатив – это высказывание-действие, имеющее смысл в рамках определенного сообщества, выражающее позицию субъекта и позволяющее через активное взаимодействие с другими, признание ролей, ценностей и образов сформировать собственную идентичность.

Идею перформативных актов для характеристики идентичности личности применила Дж. Батлер. Несмотря на то что она обращалась к ис-

следованию гендерной идентичности, ее идеи оказали влияние и на осмысление процесса идентификации в современном обществе. Понимая перформативные акты в большей степени как телесные, а не речевые, Батлер считает, что через активность индивид выражает собственную позицию, и эта активность не всегда предполагает акт говорения или действия. Иногда через умалчивание, игнорирование происходит представление субъектом собственной позиции и отношения к чему-либо.

Опираясь на конвенции данного общества, человек формирует совою гендерную идентичность, которая не есть нечто универсальное, а представляет собой то, что мы совершаем в данный момент. Пол не зависит только от биологических характеристик, он имитируется, воспроизводится в соответствии с имеющимися в обществе стереотипами, т. е. зависит от контекста – культурных установок, религиозных и политических образцов.

Пол понимается Батлер как определенная, повторяющаяся последовательность действий, реализующая ту или иную идею на практике. Интересно, что Батлер не просто говорит об акте выражения гендерных признаков, а о таком действии, которое само создается и затем подкрепляет имеющиеся в обществе властные отношения. Общество именно посредством власти формирует субъекта и все его основные характеристики. Так, оборачиваясь на крик или возглас, мы повинемся и устанавливаем себя в качестве субъекта или «возможного адресата» [2, с. 92]. Окликаясь на слово «женщина», мы не только подтверждаем принятие женской роли, но и одновременно выражаем себя, действуем как женщина, т. е. подчиняемся определенной системе власти. Последняя навязывает нам или принуждает к определенному типу поведения и демонстрирует возможность наказания за некорректность дальнейшего поведения, выходящего за рамки дозволенного той ролью, которую субъект на себя принял.

Так, Батлер считала, что, высказываясь в данном случае как мужчина или женщина и активно демонстрируя свойственное этой роли поведение, мы тем самым заявляем о принятии существующей в обществе гетеросексуальной матрицы.

Точка зрения Батлер, несмотря на всю ее категоричность, показывает весьма важную зависимость: общество через свои институты «привязывает» индивидов к исполняемым ими ролям, которые интерпретируются как значимые или, наоборот, недопустимые в жесткой системе координат: поощрений, предписаний либо индифферентного отношения. Отсутствие реакции на то или иное выражение идентичности субъекта, по мнению исследовательницы, в большей степени оказывает эффект неприятия. Молчание, отсутствие реакции, игнорирование запросов – это действенные общественные процессы, позволяющие привести субъектов к «правильному», приемлемому поведению. Это доказывает тот факт, что перформация эффективна при наличии соответствующих условий, в данном случае, институтов, которые делают выражения гендерной принадлежности действенными. Так, в «Психике власти» Батлер указывает

на то, что даже гомосексуальность (как отказ от понимания себя в рамках гетеросексуальной матрицы) не отрицает, как это может показаться, а наоборот, закрепляет и усиливает гетеросексуальную структуру общества. Появляясь в рамках социума, ориентированного на гетеросексуальность как норму, гомосексуальные отношения позиционируются меньшинствами через доказывание своей «нормальности», возможности иметь равные с остальными права, т. е. существуют, апеллируя к гетеросексуальности как норме, с которой необходимо себя соотносить. Любое отклонение, описываемое на языке «власти», только укрепляет позиции этой власти. «Угроза сексуальности – это угроза гендеру», – пишет Батлер [там же, с. 114] и предлагает бороться не за права меньшинств (лишь укрепляя бинарную оппозицию), а в принципе отказаться от такого устройства общества, в котором существует необходимость разделения на женское и мужское.

Ее логика подтверждается социальными достижениями: мужчины и женщины имеют равные права на труд, всеобщие политические права и моральные установления, биотехнологии и медицинские технологии позволили универсализировать пол, дав возможность индивиду влиять на него, на процесс воспроизводства, «избегая» необходимости привычного способа оплодотворения. В таком случае, какую роль играет пол? Является ли эта категория определяющей нашу повседневность?

Не стремясь в данной статье определить «необходимость» дифференциации субъектов по половому признаку, заметим, однако, что упорство, с каким в последнее десятилетие религиозные и общественные деятели и психологи пытаются возродить гендерное самознание, говорит о том, что гендерная самоидентификация становится проблемой.

Проблематизируется в целом процесс идентификации. Поэтому как только речь заходит о самоопределении субъекта в постсовременном социокультурном пространстве, сразу возникает необходимость демонстрация, действенного выражения своей сущности. Перформация становится актом выражения принадлежности к определенному сообществу. И чем интенсивнее общество старается оградить себя от «социально-исключенных индивидов» с помощью механизма социальной меланхолии, тем активнее эти «исключенные» позиционируют себя (гей-парады, публичные переодевания и каминг-ауты и т. п.). Следуя собственной линии, Батлер слишком сильно акцентирует внимание на понятиях власти и вины за отступление от принятой в обществе матрицы. Однако она права в том, что субъект формирует собственную идентичность через действия, направленные на выражение, описание и оправдание собственного Я. Причем она обращает внимание на необходимость повторяемости, воспроизводимости действий, что позволяет занять место «в рамках социальной сцены в качестве субъекта» [там же, с. 102]. То есть, независимо от того, какую идентичность формирует субъект, до перформативного акта его как субъекта не существует.

Идеи Дж. Батлер достаточно интересны для понимания современных идентификационных процессов. Сегодня не только гендерная, но и

другие типы идентичности формируются через перформативные акты. Этому в большей степени способствует информационное пространство, в котором в различной форме человек может презентировать себя.

Специфичность данного вида идентификации заключается в том, что участники этого процесса становятся более зависимы друг от друга, а потому одинаково активны. Что имеется в виду? Процесс идентификации в своей классической форме осуществлялся таким образом, что индивид с еще не сформированной идентичностью пытался отождествить себя с неким эталоном, а затем выявить собственные различия.

Принятая в социальной философии модель идентичности предполагает наличие *Я*-идентичности и *Мы*-идентичности в структуре личности. *Мы*-идентичность является тем образом, в котором фиксируются все общие черты, имеющиеся у индивида и группы, с которой он себя соотносит, а *Я*-идентичность вбирает в себя индивидуальные особенности, отличающие человека от других людей. Только единство этих составляющих дает возможность ощущать индивиду самотождественность и переживать себя как целое.

Различение *Я*-идентичности и *Мы*-идентичности в структуре личности имеет в своей основе идею Дж. Г. Мида о двух ипостасях личности: *I* и *Me*, где *I* представляет собой индивидуалистическую ипостась (креативный аспект идентичности) и позволяет индивиду в своей уникальности дистанцироваться от социума, а *Me* – коллективистскую ипостась, формирующуюся под влиянием общепринятых установок, обычаев и норм, характерных для определенного социума [3], т. е. результат принятия социальных ролей. Важно отметить, что *Me* является набором установок, которые личность принимает для себя в качестве нормативов. Формирование коллективистской ипостаси происходит не просто путем копирования поведения других членов общества (что характерно для более низкой ступени развития личности), а в итоге формирования модели «обобщенного другого» как некоего абстрактного набора правил, исполнение которого позволяет поддерживать общество в единстве. Заметим, что личность с необходимостью должна не просто копировать и перенимать готовые, сложившиеся в обществе нормы, но и осмысливать их в соответствии с условиями и индивидуальными особенностями существования, т. е. быть способной к самостоятельной оценке поведения. Последнее является необходимым элементом в структуре личности, индивидуалистическим аспектом, превалирование которого становится возможным только в современном обществе.

Помимо увеличения роли индивидуального начала в структуре идентичности, процесс идентификации приобретает всё более динамичный характер. Субъект выражает себя в действии, получая одновременно «подкрепление» своему высказыванию в форме «лайков», комментариев и прочих видов активности аудитории. То есть и субъект, и Другой взаимодействуют друг с другом и своей активностью или, возможно, наоборот, отсутствием всякой реакции демонстрируют понимание высказываемой позиции.

Написание текстов о себе в рамках информационного пространства, посредством которых человек пытается выразить себя, установив свои черты, предпочтения, сопоставив их с предпочтениями других происходит в различных интернет-сообществах. Очень часто эти сообщества становятся реальностью «первого» уровня, в которой субъекты формируют свой виртуальный образ, а затем и интерпретируют свои действия в материальном мире, опираясь на него и те представления, которые сложились в информационном пространстве. Таким образом, оказывается, что высказывания о себе в сетевых сообществах становятся онтологически-первичными, независимо от того, имеют ли они какие-то реальные основания. Материальное существование в такой ситуации становится вторичным, производным от идей, сложившихся в сети. Важно наличие договоренностей между участниками сообщества принимать определенные ситуации, модели поведения как имеющие смысл, а также общие ценностные установки и нормы, в рамках которых эти модели легитимируются.

Что касается социального пространства, то, на наш взгляд, усиление перформативного способа идентификации обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, это ускорение темпа социальных изменений, под влиянием которых прежние традиции во многом становятся несостоятельными, а новые не успевают сложиться. В такой ситуации возникает вопрос: где найти «значимого Другого» для установления собственного Я. Таким Другим во многом выступает интернет-сообщество. Именно во взаимодействии с ним человек предстает как активный выразитель определенной информации о том, что ему интересно, какие аспекты и темы его волнуют, в отношении чего он готов действовать. При этом перформация предполагает, что индивид не всегда осознает целостно свой образ. Напротив, под влиянием бесконечных перформаций идентичность субъекта становится многомерной и неустойчивой. Через серию разнонаправленных действий человек пытается собрать воедино все свои определенности, чтобы, в конечном счете, история его жизни стала законченной историей по формированию собственного Я.

Интересно, что, как и постсовременное общество (целиком ориентированное в будущее), идентификация также представляет собой процесс, вектор которого направлен далеко вперед. И здесь кроется самое главное отличие прежних процессов самоопределения личности от того, что мы имеем сегодня. В традиционном и индустриальном обществах идентификация осуществлялась в соответствии с определенным идеалом, целостно представленным в образах, созданных семьей, классом, нацией, религиозной общиной и пр. Естественно, идентичность каждого человека была индивидуальным конструктом, но детерминированным социальными нормами. Сегодня никаких идеальных моделей не существует. Субъект совершенно хаотично «лепит» собственное Я из идей, заимствованных из разных областей своего многогранного опыта, критически оценивая важность тех или иных образов, возможность их успешной реализации в социальном пространстве, влияние на процесс саморазвития и связанные с этим риски.

Именно этими короткими клипами перформативных высказываний о себе (иногда в буквальном смысле – в блогах, комментариях к чужим текстам и пр.) личность формирует не только представление о себе у других, но и собственное мнение о Я. И здесь очень важен количественный фактор. Чем более активно Другие реагируют на меня, тем отчетливее Я осознаю ценность своей позиции.

Помимо перформативных высказываний, используемых индивидами для описания и самоидентификации, необходимо также обратить внимание на роль перформанса как социального явления, позволяющего человеку обрести единство с другими и достичь одобрения со стороны сообщества.

Э. Фишер-Лихте, исследуя новую эстетику – эстетику перформанса, – делает вывод о «перформативном перевороте» [4]. Для него характерно то, что в искусстве художники всё больше стремятся к перформансу: на место артефакта, продолжающего свое существование независимо от автора, приходит событие – спектакль. Специфической особенностью такого спектакля является то, что актер и зритель становятся соучастниками единого процесса. И, если классическое восприятие произведения искусства предполагало доминирование авторской позиции (апофеозом чего явилось решение Р. Вагнера «убрать» зрителя, создав темноту в зале и отказав в праве влиять на ход действия), то постсовременность возвращает этого зрителя в процесс. Зритель становится активным участником, своими эмоциями и откликом меняющим ход спектакля, а иногда и совсем прекращающим дальнейшее действие. Такое объединение постепенно переносит спектакль в социальное пространство, где благодаря повсеместному распространению сетей возникает новая форма взаимодействия между индивидами.

Если мы доходим до самой предельной формы общности в постсовременности, то ею оказывается не государство, не нация, не религиозная община, а общее информационное пространство. Именно в нем и появляется специфическая форма взаимодействия – умная толпа. Чаще всего для описания умной толпы используют понятие «смартмоб» – новый вид социальной организации, структурированной с помощью информационных технологий. Новый вид сообщества ориентирован на совместное действие человека с другими людьми, в основе которого лежит в первую очередь идея межличностной связи. В информационном пространстве мы одновременно близки и чужды друг другу. Коммуникация упрощена, мы легко можем связаться с любой точкой мира, но человек становится изолирован. В своих мыслях, чувствах, многократно увеличившихся потребностях и разнообразии предпочтений, в ситуации невероятной общественной стимуляции необходимости саморазвития и возрастающего нарциссизма мы настолько одиноки, что самой главной потребностью становится чувство общности. На наш взгляд, человек информационного общества в большей степени оказывается связан с другими не нормами, ценностями, национальными особенностями, а действием, перформативным актом, который имеет своей

целью объединение людей. Причем идея объединения становится основополагающей.

Человек в единстве с другими людьми (часто не имеющими никаких иных линий взаимодействия кроме перформанса и общих взглядов), спонтанно (флешмоб) или предварительно отрепетировав (хепенинг), исполняет определенный набор действий, часто не связанных между собой, не имеющих никакой цели и не опирающихся ни на какие идеи. В чем смысл таких перформативных актов? В подобных действиях высказывается, в первую очередь, идея общности с другими людьми. Поэтому на вопрос, сопровождающийся часто недоумением и циничными ушмешками: почему так популярно бессвязное, бессмысленное, ситуативное мероприятие, почему порой сотни городов становятся участниками флешмобов и несколько тысяч людей объединяются во времени для совершения действий, – есть самый главный ответ. Человек стремится быть связанным с другими. В этом первичная цель и смысл его существования. А потому, не находя никакой основы для взаимодействия, он вступает в умную толпу.

Здесь мы не будем подробно описывать те следствия, которые имеют различные действия перформации для идентификации личности. Однако заметим, что, прежде всего, для уяснения значения перформативного акта для человеческого бытия необходимо понимать, что они существуют поверх всяких представлений об истинном или фиктивном выражении человеческого Я. Пожалуй, говоря о субъекте информационного общества, необходимо воздерживаться от его характеристик в терминах «подлинности» и «фиктивности». Эти высказывания (речевые или телесные) существуют для того, чтобы индивид заявил о себе. И, в первую очередь, обозначил себя как субъекта данного сообщества (возможно, спонтанно сложившегося).

Литература

1. *Остин Дж.* Как совершать действия при помощи слов / Дж. Остин // Избранное. – М. : Пресс : Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.
2. *Батлер Д.* Психика власти : теории субъекции / Д. Батлер. – Харьков : СПб. : ХЦГИ : Алетейя, 2002. – 158 с.
3. *Мид Дж. Г.* Избранное / Дж. Г. Мид. – М. : ИНИОН РАН, 2009. – 290 с.
4. *Фишер-Лихте Э.* Эстетика перформативности / Э. Фишер-Лихте. – М. : Канон+, 2015. – 376 с.

Воронежский государственный университет

Тихонова И. Ю., кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания

Voronezh State University

Tikhonova I. Yu., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Ontology and Theory of Knowledge Department